

ВИРУС МИРООТРИЦАНИЯ

Аннотация: В статье прослеживаются этапы развития культурного и экзистенциального кризиса человечества от краха мировоззренческой парадигмы античного мира до глубочайшего кризиса мироотрицания, порожденного современной техногенной цивилизацией и выражающегося в глубинном экзистенциальном нигилизме, крайним полюсом которого в наше время является виртуализация действительности. Автор видит корни данного кризиса в гностических ересьх первых веков христианства и подчеркивает антибытийную направленность трансформационных процессов в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: *экзистенциальный кризис, мироотрицание, нигилизм, гностики, Достоевский, виртуальная реальность*

Annotation: The article traces the phases of the ongoing cultural and existential crisis of humanity from the collapse of the worldview paradigm of the ancient world to today's deepest crisis, begotten by the modern technogenic civilization and expressed in existential, world-rejecting nihilism. The author holds that the current virtualization of reality is the extreme manifestation of this global nihilism. He sees the roots of the crisis in the gnostic heresies of the first centuries AD and emphasizes the anti-being orientation of transformational processes in the postmodern world.

Key words: *existential crisis, world-rejection, nihilism, Gnostics, Dostoevsky, virtual reality*

Илья Рейдерман, философ, поэт, литератор (г. Одесса, Украина).

Введение

◆ О чём сегодня ни заговори, рано или поздно произнесёшь слово «кризис». Кризис экологический, кризис всей культурной парадигмы Нового времени, наконец, кризис антропологический... Можно предположить, что всё это — проявления некоего более широкого кризиса — экзистенциального. Кризиса самих основ человеческого бытия. Отчего-то «не работают» привычные формы, способы духовного освоения, очеловечивания мира, придававшие нашей деятельности и каждому моменту жизни смысл. Человек не может жить в «окружающей среде». Он должен жить в *мире человека*, укореняясь в нём, пребывая в отношениях хотя бы минимальной гармонии с этим родным человеческим миром. Он не может и не должен уподобляться инопланетянину, прибывшему на чужую планету, где всё для него чуждо и враждебно. Однако, похоже, что именно этому «инопланетянину» он уподобляется всё больше и больше. Ибо между ним — и природой, между ним — и другими людьми ширится и делается всё глубже бездна отчуждения (которая, как раз, и делает всё *чуждым*).

1. Подпольная основа мироотрицания

◆ Само слово «кризис» — означает решающую точку болезни, а где болезнь — там есть и возбудитель её. Назовём его предположительно вирусом мироотрицания. Вообще-то говоря, подобного рода кризисы переживаются человечеством не впервые. Они связаны не с очередной сменой веков, а со сменой целых эпох, с качественными изменениями человеческого бытия, захватывающими культуру, иерархию ценностей, характер духовной жизни, не говоря уже об экономике и формах повседневности... Именно в промежутках между эпохами, в тектонических разломах как вне человека, так и внутри него самого, в его собственной душе — и нарождается, чудовищно размножается, выделяет свои токсины вышеупомянутый вирус.

Отрицание мира может носить самые разные формы. Самая «мягкая», «нейтральная» из них — равнодушие, в результате которого всё, что попадает в орбиту человеческого существования, как бы не «намагничивается», не становится подлинным бытием человека. Самая активная — некая кажущаяся совершенно иррациональной ненависть, которая может выплеснуться в самых разрушительных формах. А самая массовая, самая распространённая — представляет собой попытку как бы *уйти* из мира, *выйти* из него в некое иное пространство, в искусственную, виртуальную реальность. Но во всех случаях «общий знаменатель» в том, что не любит человек мир, в котором он живёт. Не любит... Понятно, что может быть множество различных мотивов, заставляющих человека переживать свою чуждость враждебному миру.

К примеру, возможна некая иррациональная ненависть к миру, злоба, которая душит человека, побуждает его отомстить за унижения, неудачи,

обиды, характерная для всякого рода маргиналов и аутсайдеров. Возможно некое тотальное обесценивание мира, а заодно и собственного «я», которое возникает в переживании тяжёлой депрессии и толкает самоубийцу в объятия смерти.

Но, может быть, есть и некое более общее негативное чувство? Некое отрицание мира «из принципа»? Некий глубинный (я бы сказал, экзистенциальный) нигилизм? В дальнейшем я буду говорить именно о нём и постараюсь обнаружить глубинные корни такого «умонастроения» в явлениях достаточно давней истории. Словно бы некий *негативный импультс* проходит через многие века и этапы развития человечеств, так или иначе трансформируясь. В том то и дело, что речь идёт не об отрицании мира в силу каких бы то ни было «настроений», эмоций, преходящих политических лозунгов, а об отрицании, так сказать, принципиальном!

Такое отрицание мира «из принципа», такой экзистенциальный нигилизм находим мы в мире Ф.М. Достоевского, в его «Записках из подполья». «Подпольный человек «злобно и цинично говорит Лизе: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтобы мне всегда чай пить». Психология «подполья» хорошо изучена. Но не объяснишь же социологическими и психологическими причинами отчаянное желание во что бы то ни стало сокрушить «стену», каковой являются законы природы. Нет, в этом «*миру провалиться*» есть какой-то метафизический обертон. Это осознание невыносимой экзистенциальной ситуации, в которой человек противостоит всему враждебному существу. Это тотальный «бунт».

Обращаю внимание на гениальную метафору Достоевского — «подполье». Из подполья вылезают чумные крысы. А уж какие оттуда выходят «подпольщики» — это мы, к несчастью, слишком хорошо знаем. И их главное оружие — не ружья, не взрывчатка, а вот этот самый «экзистенциальный нигилизм» направленный против самих основ бытия. Сегодня мы, конечно, прежде всего думаем о террористах всех мастей. Но если бы дело было только в них! Я бы не взялся за перо, если бы не был уверен, что «вирус мироотрицания» присутствует в той или иной форме в сознании всех моих современников. И в моём тоже. Хотелось бы понять, как он туда попал.

Ведь, к примеру, в сознании ребёнка — его нет. Кто не помнит этого полного, безоговорочного, радостного *прияття мира*? Ребёнок из глубины своей незрелой души (может быть, от неразумия?) восторженно говорит миру «да!» Он живёт в *родном* мире, который его любит, обнимает, понимает. И он бежит ему навстречу с совершенно упоительным чувством: «Этот мир — мой!» Ах, он дитя неразумное...Ничего, мы его научим. И чем успешнее будем учить, тем заметнее будет уходить детская радость бытия. Что это, естественное следствие взросления? Но рискну предположить, заранее провоцируя несогласие: может быть, и культура, в которую мы вводим (или, скорее, насильственно втискиваем в готовые

формы) растущего человека — содержит в себе некий, пусть даже «ослабленный» вирус мироотрицания?

Во всяком случае, с ребёнком происходит что-то неладное. Начинается кризис, захватывающий и отрочество, и юность. Увы, человек неизбежно должен пройти через экзистенциальный кризис — и выходит из него другим. Прежняя картина мира окончательно разрушается. Как бы благополучно потом ни складывалась судьба успешно социализировавшегося человека, он уже не сможет вернуться в мир, где всё является живым, где всё живёт не в качестве чего-то отдельного, а вместе с тобой, где человек и воспринимает мир целостно, и сам является частью Целого. Конечно, она кажется нам такой наивной, эта детская мифологическая реальность. Но это реальность бытия, подлинного, *бытия*, а не нашей взрослой *отчуждённой деятельности*. Всё исчисляющей, «калькулирующей», расчетливой, и уж, конечно, непременно целесообразной Деятельности. Которая и заставляет человека жить в мире абстракций. И видеть мир с точки зрения Дела, Пользы, некоей отдалённой Цели. Такая «установка» отнюдь не предполагает любви к миру.

Живо представляю себе некий обобщённый образ Деятеля. Он глядит на меня, и я вдруг убеждаюсь, что в этом взгляде нет *ничего человеческого!* Он глядит *сквозь меня*, словно сквозь прозрачный предмет, он меня в упор не видит, он «не здесь, рядом со мной, а где-то *там*, в мире своих абстрактных расчётов, в ходе которых он решит, принимать ли меня вообще во внимание и что со мной делать. И пока он *отсутствует*», я, ощущая холодок на спине, вдруг понимаю, что это «зомби», существо, зомбированное своими функциями, внутренне *мёртвое!* «Мертвец идёт в сенат» (А. Блок). И какой же от него исходит холод глубочайшего отрицания мира, всего, что в нём, (кроме, разумеется, его драгоценного Дела)! «Миру провалиться, а чтобы...»

Тут мне вспоминается эпизод из времён, когда физики делали Бомбу. Один из физиков заговорил о том, какое же страшное оружие создадут они. На что другой ответил: «Да, но зато какая прекрасная физика!» И ведь не монстр же какой-то сказал это, а человек, должно быть, умнейший, незауряднейший! А ведь всё туда же: «миру провалиться!» Выходит, прав Достоевский, и некий «вирус», а быть может, как во сне Раскольникова, «трихины» уже сидят в нас? Во всяком случае, возникают они в ходе глубочайшего экзистенциального кризиса, переживаемого отдельным человеком или всем человечеством.

2. Радикальное мироотрицание гностицизма и христианский «выход из мира»

◆ Культурный и экзистенциальный кризис, подобный сегодняшнему, произошёл во времена упадка античного мира. У греков был совершенно наглядный образ мира как целого — Космос. Это определённый миропорядок, в своём совершенстве говорящий о Красоте и Гармонии.

Даже борьба богов — не в силах сколько-нибудь серьёзно поколебать этот законный порядок. И дело Зевса, в конечном счёте, в том, чтобы блюсти Закон, хранить красоту Целого. Это вполне конкретный и живой мир, предстающий во всём своём чувственном блеске. Да и сам человек прекрасен в момент предельного напряжения физических и духовных сил, с чем и связан культ героев.

Вот этот прекрасный, сияющий Космос и рухнул, рассыпался на обломки. Рухнул родной Дом, в котором только и возможно было бытие, и бездомный человек оказался растерянным в чужом мире, которого он не в силах понять. Отсюда в эллинистическую эпоху такое многообразие и такой накал мировоззренческих исканий, принимавших большей частью религиозную форму. Античные боги были близко, рядом, могли явиться путнику, вмешаться в реальную жизненную ситуацию. Да и античный Космос — не скопление мёртвой материи, его гармония и красота свидетельствовали об одушевлённости, равновесии стихийных сил Материи и оформляющего Духа. Оказываясь же среди груды обломков, оставшихся от этого Космоса — человек в отчаянии вопрошает о своём месте во Вселенной. Ибо без этого законного места его бытие является бессмысленным.

Трудно выразить словами всю меру экзистенциального отчаяния человека в кромешной бессмыслице мира. И вот в скрещивании греческих и ближневосточных влияний вырисовывается некий новый образ мира, в котором есть Бог, но этот Бог — *страшно далёк*. Он по ту сторону всего что видимо и материально. Он потусторонен или лучше сказать трансцендентен. Трансцендентен и Бог Ветхого Завета, но это не мешает ему разговаривать с Моисеем из куста, печься о судьбе своего народа и кроить её по-своему. А этот Бог... Дальше, чем мир платоновских Идей. Он не вмешивается в дела этого мира. Он в сторону человека даже и не глядит. Человек переживает свою трагедию, а Бог его *не видит!* И на отчаянный крик — отвечает молчанием. Таков Бог так называемых гностиков (от греческого «гносис»- знание).

Учитель одной из гностических сект Василид, чтобы охарактеризовать удалённость Бога строит вавилонскую башню миров — 365 небес, и на каждом из них семь властителей, тайные имена которых должен называть «знающий» для того, чтобы душа его благополучно пролетела мимо и спаслась... Впрочем, замечает Хорхе Луис Борхес, комментирующий эту картину в одном из эссе — гностик этим демонстрирует не столько даже удалённость бога, сколько собственную *ничтожность!* Один из гностиков даже в основу своей космогонии положил «ничто» как первичный, исходный принцип. Ничего более нигилистического придумать невозможно. И встретив то же самое у Сартра, мы лишь поймём, откуда сие. В этом мире и человек ничто. Пригоршня праха. Но в ней накапливается некий тайный яд. Она готова, проклиная и отвергая весь этот совершенно бессмысленный мир, покинуть его. И если что-то её и удер-

живает от этого совершенно логичного шага, то лишь сознание, что она ...какая-то не такая, как все. В ней есть нечто общее с тем безумно далёким Богом: «пневма» — дух.

С одной стороны — прах. А с другой... Вспоминается державинское: «Я червь! Я Бог!» Вот эта открывшаяся биполярность человека, вот это напряжённейшее противоречие между его «плотской» и «духовной» ипостасями и будет драматической пружиной едва ли не всей дальнейшей человеческой истории. Здесь источник иступлённого отрицания мира, которого античность не знала и не могла знать. Отрицания именно во имя максимальной реализации человеком своей родственной Богу духовной сущности.

В гностицизме пафос радикального отрицания мира выразился максимально. В окружении многообразных гностических учений, взаимодействуя с ними, рождалось и развивалось христианство. Влияние гностицизма было настолько сильным, что приходилось бороться с «гностическими ересями» в лоне самого христианства.

Итак, гностики — знающие. И главное, что они постигли: этот мир — чужой! Он сотворён злым богом, Демиургом. В то время, как настоящий Бог — находится за пределами этого, да и многих других миров. Поэтому здешний мир — находится во власти абсолютного зла и сам является злом в силу своей материальности. Человек сотворён из этой же злой материи. Он должен вырваться из плена материи, «отряхнуть её прах», постараться радикально уйти из мира. Он чаёт спасения, но спасутся лишь избранные, «знающие», называющие себя «пневматиками», то есть наделёнными духом. Эти избранные не просто жаждут собственного спасения, экстатически устремляясь к Богу, находящемуся по ту сторону Космоса. Они — необходимые участники некоей грандиозной космической мистерии, участники борьбы, в результате которой Дух победит Материю, Свет победит Тьму. Остальные погибнут вместе со всем этим не стоящим сожаления миром. Избранные воссоединятся с изначальной божественной полнотой, плеромой, восторжествуют во всей своей чистой духовности над всем тленным. По словам основателя одного из гностических учений, Валентина, «когда же освободите мир... будете господствовать над сознанием и всяким тлением».^[1]

Находясь в мире, гностик постоянно осознаёт, что он этому миру абсолютно чужд, что именно как существо духовное он не связан со всем, что есть в этом *чужом мире* и враждебен всякой его плоти — и собственной телесности, и природе, и какой бы то ни было социальной жизни. Мы не удивимся, когда встретим в христианстве явно отрицательное, хотя и не столь радикальное отношение к «падшему миру» и «греховной плоти».

Не буду и говорить о гностическом дуализме, о непримиримой борьбе двух начал, которая должна закончиться абсолютным торжеством Света

^[1] *Гностики или «о лжеименном знании»* (Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996), с. 163.

(чуть не написал — коммунизма). Мы слишком долго жили в мире торжествующего манихейства (названного так по имени Мани, основателя одной из самых радикальных гностических сект). Покуда борьба не закончится, «избранные» ведут себя в этом мире по-разному: то в крайнем отречении от мира доходят до запрета на вступление в брак и деторождение, то, напротив, ведут себя крайне разнузданно, дабы продемонстрировать полное презрение к нормам и правилам этого мира. Но для меня особенно важен внутренний уход из мира, своего рода внутренняя эмиграция, непричастность, неучастие в самой жизни этого мира. Это своего рода внутренняя аскеза, это нежелание видеть и слышать краски и голоса чувственного мира во всей их соблазнительности». Словом, «если глаз твой искушает тебя...» Ибо ты можешь, соблазнившись, просто втянуться, «влипнуть» в жизнь этого мира — и тем самым задержать чаемое спасение... Эта внутренняя аскеза и расчищает внутри человека пространство для жизни духа. Похоже, что это пустое и абстрактное пространство. В нём возможна лишь экстатическая устремлённость к Богу.

Александр Неклесса считает, что гностицизм — «своего рода упрощение христианства».^[2] Я бы сказал, что христианство, рождаясь из той же кризисной экзистенциальной ситуации, что и гностицизм, стремится смягчить его крайности, одолеть его яд изнутри. Во многом ему это удаётся. Оно обращается ко всем, а не к избранным. Гностикам открылась бесконечная бездна, отделяющая человека от Бога — Христос перешагивает через эту бездну. Он — воплощение бесконечной любви Бога. Любви спасающей, обещающей возрождение, воскресение всего, вплоть до тленной человеческой плоти, восстановление падшего мира. Но это будет потом. А пока — «весь мир лежит во зле» (1Иоан. 5,19), он находится во власти «князя мира сего», он должен погибнуть прежде, чем возникнут «новая земля и новое небо». Именно этого жаждут верующие. Да и сам Христос. «Огонь пришёл я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лук. 12,49). И вправду, слишком уж много несправедливости, грязи, преступлений накопилось в этой «юдоли зла». Христос показывает путь к спасению, путь к трансцендентному Богу, путь, уводящий из этого мира. Не раз и не два говорится о царстве Божием и о царствии небесном. Первое — «внутри нас есть» (Лук. 16,21), оказываясь неким преддверием будущего блаженства, это максимально возможное в этом мире присутствие Трансцендентного. Это некое неподвластное всему «мирскому» духовное пространство, в котором отвернувшийся от мира человек разговаривает с Богом. Главное же будет «потом» — когда, стряхнув тленную оболочку, в которой томился Дух, спасённые будут наслаждаться близостью Бога. Верующий всё делает ради желанной блаженной близости к Богу. Во имя этой цели нужно вести непрестанную войну с мирскими соблазнами — в том числе и с ближними своими. Ибо именно они более всего могут помешать спасению,

[2] Александр Неклесса, «Трансмутация истории», «Новый мир» № 9 (2002), с. 150.

«привязать» к живому, чувственному миру. Поэтому и в самом деле нужно оставить их, внутренне отстраниться от них, следуя за Христом. «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены и детей, и братьев и сестёр, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лук. 14,26).

Я хотел подчеркнуть мотив жертвы, отречения. Он постоянен. И даже «потерявший душу свою ради Меня, сбережёт её» (Мат. 10,37,39). Последнее — не что иное, как требование максимального самоотречения во имя Христа (что в какой-то мере соответствует существующему в буддизме требованию преодоления «эго»). Я уже не говорю о звучащем, как камертон, призыве осознать всю бесконечность своей греховности, почувствовать свою малость, свою ничтожность перед глазами Бога. И понятно, что осознавая собственное ничтожество, остаётся уповать именно на милость Бога, на его любовь. Верующий не имеет никакой естественной «точки опоры», никакого законного места в бытии, и как бы «подвешен» между землёй и небом на ниточке этой любви. Мистик делает вполне последовательный вывод из этого: он экстатически устремляется к Богу, желая слиться с ним, и всё земное, плотское выгорает в пламени этой любви, дабы воссиял ослепительный свет Духа.

Христианину следует и телом пожертвовать, широко говоря — всей «жизнью по плоти» с её аранжировкой чувств, мыслей, желаний, всем бытовым, житейским: «представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу...» (Рим. 12,1). Изживая плотское в себе, человек и внутренне должен, как я говорил уже, уйти из этого мира.

Выход из мира — вот тот решительный шаг, который совершает христианин. Это трансцендирование, переступание вещных, физических границ. В этом акте, в конечном счёте, и рождается Дух. Но абстрактный Дух, (именно от-влечённый, от-решённый), не привязанный к этому миру, как бы в ином пространстве, иной реальности живущий. Возникает феномен «двоемирия». Я нахожусь «здесь» (правда, только телесно, «плотью»), в этой земной жизни, в юдоли страданий, — но духом живу «там», в «ином пространстве», где я могу с Богом «разговаривать». И «оттуда», с тех немислимых высот, из тех немислимых далей — гляжу на всё «здешнее». Иными глазами гляжу, духовными очами! И именно это («иное») пространство, из которого гляжу, — оказывается пространством духовной свободы. Возникновение этого абстрактного духа и есть то действительно новое, что принесло с собой христианство.

Но и цена за это заплачена немалая. Ибо эта «другая реальность», в которой живёт дух человеческий — трансцендентна по отношению к нашей, земной. И при взгляде «оттуда» всё видится иначе. Утрачивается безусловная ценность и устойчивость того, что *есть*, что само по себе имеет *право на бытие*. Весь мир, да и сам человек словно бы поставлены под вопрос. И осознавая это, человеческая душа должна как бы пройти насквозь «плотные слои» материально-чувственной реальности, в кото-

рых находится живая жизнь, живой человек. Прекрасно, что человек теперь видится как духовное существо, но всё прочее как бы развоплощается или вытесняется на периферию зрительного поля.

Не буду ломиться в открытые двери — читатель сам найдёт множество подтверждений того, что подлинного христианина призывают «отречься» от мира. Вот что говорится в Первом послании Иоанна: «Не любите мира и того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (2,15). Были, разумеется, попытки отдельных выдающихся христианских мыслителей преодолеть эту «неотмирность» христианского учения, но трудно было не впасть в ересь. Хотя бы в пантеизм.

Считается, что протестантизм повернулся «лицом к миру», дал оправдание мирской деятельности. Но, добросовестно трудясь в миру и ревностно исполняя заповеди, верующий отнюдь не «зарабатывает» себе спасение. Нет, тут он совершенно бессилен. У него нет *никакой свободы воли*, над ним тяготеет первородный грех, он обречён пребывать во зле, спасёт его лишь божественная благодать (да и то лишь в том случае, если он предопределён к спасению). Ему остаётся лишь уповать на то, что он принадлежит к божьим избранникам. Вот почему спасение — «только верую!» В сущности, какое экзистенциальное отчаяние: грешный человек — во зле по самые уши! Выход только в героическом напряжении верующей души, в несокрушимости веры. Известно, что протестантизм формировался в опасной близости к существовавшим в ту пору гностицистическим ересям. И, пожалуй, в протестантизме ещё явственней подлинный трагизм экзистенциальной ситуации верующего.

Секуляризация христианского учения превращает его чуть ли не благостную гуманистическую сказочку. Принято говорить о «христианском гуманизме». Недавно молодой исследователь истории христианства А. Серёгин опровергал расхожее представление о христианстве как о гуманизме.^[3] Если ты бежишь из злого мира, чувствуя себя в нём чужаком, если ты кажешься самому себе лишь малой пылинкой, совершеннейшим «ничто», собственного бытия не имеющим, утверждаемым в бытии лишь взглядом Бога, — трудно говорить о величии человека. Разве что иметь в виду изначальное подобие человека Богу. Это в некотором смысле «сверхчеловеческое» в человеке. И, может быть, единственное утешение заключается в парадоксальном переживании одновременно и своего ничтожества, и близости к божественному величию. Опять-таки, «я червь, я Бог» (так сказать, червь — по плоти, и Бог — по духу). Христос, напоминая слова библейского псалма, говорит: «Не написано ли в законе вашем: «Я сказал: вы боги?» (Иоан. 10,34). Но для человека непоследовательно сделать этот «образ Божий» реальностью этого мира... Мистики, не дожидаясь окончательного освобождения души из плена плоти, нетерпеливо желают пережить ощущение этой своей «божественности» в акте мистического слияния с Богом. Не позаимствовало ли этот импульс

^[3] Андрей Серёгин, «Предисловие к будущему», «Новый мир» № 6 (2000), с. 171-173.

Возрождение? Тем паче, что мистика и всякая эзотерика, в значительной мере гностического толка, входила в состав питательной среды, в которой формировался дух эпохи. Во всяком случае, качели от крайности смирения и сознания своего ничтожества — качнулись к другой крайней точке.

3. Цена “человекобожия”

◆ Возрождение кажется полным поворотом к совершенно противоположному мироощущению. Оно по-иному расставляло акценты в христианстве (на деле выходя за его пределы), привносило в него элементы язычества — хотя бы в виде языческого неоплатонизма, не говоря уже о пантеизме. Это было отрицание если не Бога, то его трансцендентности. Уже во взглядах представителей Флорентийской академии А.Ф.-Лосев видит «признание абсолютной имманентности бога всем человеческим личностям и всем явлениям природы».^[4] Если Бога поместить внутрь мира, то и в лицах людей, и в наготе женского тела, вообще во всей чувственной материи мира можно будет обнаружить нечто божественное. Кажется, Возрождение повернулось, наконец, лицом к этому земному, чувственному миру, оно и есть как бы сплошное ликующее мироутверждение.

Привычно говорят о возрождении античности. На самом же деле вернуться к мировоззрению античности, возродить античный Космос как образ миропорядка — было невозможно. Поэтому и приходилось апеллировать к христианству. Ещё не существует нового законного миропорядка, который сконструирует лишь наука Нового времени. Вот тут-то и выясняется, что в той мере, в которой человек «промежуточной эпохи» всё же волей-неволей выходит за пределы христианства, он оказывается пленником чувственной поверхности вещей, он во власти беззаконной чувственной стихии. Понятно, что «титанами Возрождения» атаквалась и христианская аскеза. Но вместе с ней — и внутренняя дисциплина христианского человека, так тщательно культивировавшаяся. Таким образом, человек оказался беззащитным и перед лицом «внутренних стихий», неожиданного многообразия противоречивых чувств, поразительного внутреннего богатства, с которым нужно бы уметь управиться. Вот причина, по которой становится едва ли не неизбежной демонстративная безнравственность. Из подземелий вырвались гипертрофированные «хотения», безудержные желания, страстная воля к самоутверждению, превращающаяся в своеволие.

Вот она, обратная сторона ренессансного титанизма. Пребывавшее в чёрном теле «Я» вырвалось из тюрьмы на свободу. Конечно, это уже бунт! Это беззаконная свобода — отрицающая все и всяческие рамки. Это уже пробившийся на свет росток нового индивидуализма, готового к

^[4] А. Ф. Лосев, *Эстетика Возрождения* (Москва: Мысль, 1978), с. 235.

безграничности самоутверждения индивида. И тут мы вдруг видим, что *такое* утверждение человеком мира и себя самого — превращается в новое мироотрицание, которое, приняв новую форму, станет ещё более разрушительным. Это утверждение покажется, по меньшей мере, странным, если видеть лишь полноту радостного приятия мира! На самом деле выходит, что во имя безграничной свободы индивида попирается ногами, отрицается весь мир, которому остаётся лишь подчиниться и лечь, как покорный раб, у ног. Культ такой свободы мы находим у гностиков. Исследователь пишет о присущем им протесте «против мира и его блага во имя абсолютной духовной свободы»^[5]. Заметим: *абсолютной*. В пределе это значит, что индивид если и не объявляет себя открыто богом, то, по крайней мере, претендует на то, что внутри себя он Бог. Ну а если сказать чуточку прозаичнее, господин, претендующий на абсолютную власть, абсолютное господство. Уж как он потом, в последующие века, будет реализовывать свою «волю к власти», господству над природой и людьми — мы знаем. А куда он хочет реализовать это духовное самоощущение совершенно непосредственно, в своём практическом поведении. «Кто я, тварь дрожащая, или право имею?» — в этом вопросе героя Достоевского содержится та самая подоплёка, которой определялись чудовищные поступки иных деятелей Возрождения. Всякий раз, когда целостная парадигма христианского мировоззрения начинает распадаться в сознании отдельных её носителей — неизбежно возникает идея «человекобожия».

Вот высказывание Марсилио Фичино: «...человек, который господствует над всеми существами, живыми и неживыми, конечно, является некоторого рода богом ...он бог всех материальных вещей, которые он применяет, видоизменяет и преобразует. И этот человек, который по природе царит над столькими вещами и *занимает место бессмертного божества* (курсив мой — И.Р.), без всякого сомнения, тоже бессмертен».^[6] Это и есть ренессансный антропоцентризм и гуманизм? Если гуманизм — это радикальное утверждение человека в качестве бога, то тут, конечно, мина, подложенная под всю будущую цивилизацию. Покуда это — лишь некое самозванство, которое пытаются подкрепить ссылками на букву Библии. Но самозванство чрезвычайно опасное. Тем более, что речь не о божественности человеческого духа, но о божественности человека во плоти, дающей ему право неограниченной власти над природой! О божественности не человека вообще, а в конечном счёте вот этого земного конкретного индивида! Такое *самообожение* ведёт к тому, что, во-первых, и все остальные индивиды — тоже боги, и нужно напрягать все силы, чтобы сполна утвердить собственную божественность (отсюда и ренессансный титанизм). А во-вторых, индивид хочет,

^[5] Ганс Йонас, *Гностицизм (Гностическая религия)* (Санкт-Петербург: Лань, 1998), с. 121.

^[6] Цитирую по: А.Ф. Лосев, *Эстетика Возрождения* (Москва: Мысль, 1978), с. 327.

но, разумеется, не может быть «земным богом» в данной ему реальности, и отсюда некоторый внутренний надлом, скрытый до поры трагизм, некоторая двусмысленность ренессансного мироощущения, на которые указывал А. Ф. Лосев. В конце концов, «земные боги» могут, перебив друг друга, как в трагедиях Шекспира, превратиться в гору трупов на сцене.

Именно это безудержное и гибельное самоутверждение индивидов и стремится ввести в законные рамки родившееся Новое время. Да, человек велик, говорит оно, но не сам по себе, в качестве отдельного индивида, а как родовое существо, представитель человечества. И божественен в нём не дух, а коллективный, совокупный, всеобщий человеческий Разум. При этом предполагается, что разумен и сам естественный порядок мира, который нужно познать. Очень скоро господствующим в культуре Нового времени станет именно научный Разум. В познании открывается законный, истинный, подлинный, объективный Миропорядок, некий Космос. Правда, это мёртвый космос, упорядочивание неодушевлённой вещественности, он совершенно равнодушен к существованию человека, который и ютится где-то на задворках его. В этом Космосе нет античной гармонии и красоты — здесь господствуют законы небесной механики. По правде говоря, в нём нет никакой человечности, и напрасно взывать к небесам в поисках смысла моего существования в нём. От взгляда в эти бездушные небеса только голова закружится, как у Паскаля, который, представив себя в мире несоизмеримых с человеком пространственных и временных величин, почувствовал себя ничтожной пылинкой, затерянной в этом Космосе, «мыслящим тростником».

Действительное человеческое бытие перед лицом равнодушной Вселенной обесценивается. Трудно, пожалуй, даже невозможно любить этот мир в его бесчеловечной грандиозности и механистичности. Человек в нём живёт, действует, но можно сказать, «не прописан». не ощущает его своим родным Домом. В этот миропорядок не вмещается *абсолютная свобода* как христианского духа, так и ренессансного самоутверждения. Здесь мир необходимости, причинной обусловленности.

При свете такого Разума странным образом невидимой оказывается духовная жизнь человека. Как вообще и он сам в качестве живого человека, здесь и сейчас живущего, чувствующего, переживающего, участвующего в бытии. Это странное свойство столь своеобразного разума получит название естественно-научного редукционизма. Такова, увы, цена, заплаченная за Знание. Зато это Знание (опять гносис!) — оказывается средством спасения погрязшего в невежестве и несправедливости человечества, поможет решить его проблемы и создать «царство Божие» на земле. Обожествление науки, научного разума — как бы предполагалось изначально.

Может показаться, что наука имеет дело с нашим чувственным миром, что-то измеряя, взвешивая, устанавливая в результате опыта. Но созрев и став теоретическим знанием, она живёт в мире своих понятий,

научных обобщений. Она живёт «не здесь», а где-то «там», в абстрактном мире, лежащем по ту сторону нашего. Не случайно вводится понятие Трансцендентального Субъекта. Познающий – разумеется, не в качестве эмпирического существа – похоже, занимает место Бога, глядит на мир с точки зрения Бога. И, конечно, с запредельных абстрактных высот он, опять-таки, видит наш мир иначе. Он глядит беспристрастно, объективно, холодно, трезво, *испытующе*. О какой-то любви к миру – говорить неуместно. Всё сущее есть лишь исследуемый объект, лежащий на предметном стекле, и с ним можно делать всё, что угодно, вплоть до расчленения его на части. Тут-то и вспоминается, что ещё Фрэнсис Бэкон, современник Шекспира, автор знаменитого лозунга «знание – сила», говорил, что природу нужно растянуть на дыбе и пытаться её, выпытывая её тайны. Да, знание есть и в самом деле сила, способная быть и жестокой, и деструктивной – разумеется, во имя полного и безоговорочного господства над миром. Такого, которое прежде было прерогативой Бога. Вообще-то стремление к такой власти – это определённого рода психоз, это рождающееся вопреки стремлению к рациональности безумие. Но, как говорил ещё персонаж Шекспира, в этом безумии есть своя логика, заключающаяся в отрицании мира в его данности, самобытности. В том, как он *есть*, в том, как он нам, если угодно, дарован. Пожалуй, тут такое мироотрицание, весь масштаб которого выясняется лишь сейчас.

Всё лишается права быть самим собой. Всё видится упрощённо. Всё живое многообразие насильственно втискивается в схему, так сказать, лежит на прокрустовом ложе. Природа – всего лишь машина (степень её сложности при этом не имеет значения). Человек – элемент системы, прежде всего социальной, деталь машины, «винтик». Для эффективного функционирования этой машины – в душе нужды нет. И цивилизация, построенная в виде такой машины – изначально бездуховна. Пожалуй, самым обидным при этом оказывается то обстоятельство, что без христианской духовности – не могла бы возникнуть наука, что именно на месте христианского абстрактного «чистого духа», действующего в человеке, возникает «чистый разум». Но и этот «чистый разум» ждёт дальнейшие трансформации.

Недолго этому разуму быть «чистым». Довольно скоро он превратится в Техноразум, который и разумом то называть трудно – ибо это всего лишь исчисляющий рассудок, и его рациональность сужается до преимущественно одной своей формы – целевой рациональности. То, как агрессивно и беспощадно относится он и к природе, и к человеку, общеизвестно.

Технологический разум всё и вся подчиняет принципу пользы. На авансцену выходит Деятель, и главным для него является эффективность деятельности, достижение заданной цели. С этой точки зрения всё сущее в мире может рассматриваться лишь как средство, как оказавшийся под рукой материал, как трансформируемый объект. И неважно, природа ли

это или человек. Уважать их, ценить их самобытность, или, по крайней мере, считаться с ней — нет необходимости. Под угрозой оказывается само Бытие.

В сфере деятельности тебя любить не обязаны, — здесь тобой манипулируют, и ты пытаешься манипулировать другими. Ты функционируешь в достаточно узких, специализированных рамках, и должен всё «лишнее», всё личностное, всё живое и человеческое решительно отсечь. Конечно, остаётся вопрос, являешься ли ты ещё, изуродованный современными компрачикосами, человеком. И сам ты, обращаясь к вымуштрованному человеку Дела, вдруг ощущаешь, что он тебя не видит и не слышит. Он не здесь, в общей с тобой реальности, а там, в абстрактном пространстве деятельности... Он, опять-таки, *вышел из мира* и глядит на всё отчуждённым, холодным, «чужим» взглядом. Похоже, что он готов во имя успеха Дела принести ни с чем не соразмерные жертвы. Тем паче, что мира ему давно уже не жаль.

Парадокс в том, что такой человек кажется со стороны как раз тем, кто целиком реализует себя в посястороннем мире, кто желает устроиться в нём с максимальным комфортом, кто жаждет потреблять по максимуму, не задумываясь о том, во что это обходится бытию, какова, так сказать, экзистенциальная цена всего добываемого, производимого, потребляемого.

Природой уже, кажется, пожертвовали. Что ещё на очереди? Не сам ли человек с его ещё не вполне сведённой к нулю человеческой природой? Тем более, что цель якобы оправдывает средства — всё, разумеется, во имя прогресса! Не «переделать» ли человека, не усовершенствовать ли его то ли с помощью генной инженерии, то ли вживляя в его мозг чипы и сращивая с машиной? Можно не сомневаться, что работы в этом направлении уже идут. Пожалуй, человечеству впервые в истории придётся решать, желает ли оно остаться самим собой, сохранив свою самобытность. Философ А. Н. Павленко^[7] говорит о возможном альтернативном варианте радикального решения экологической проблемы: пусть человек станет искусственным существом в искусственной среде. По-видимому, тогда для нас перестанет быть угрозой то, что происходит в едва живой природе. Циолковский предлагал, кажется, уничтожить биологическую жизнь и превратить человека в некое лучистое существо, способное жить в космосе. Здесь тот же масштаб жертв, приносимых для выживания человека. Впрочем, отрицается и сам человек в его сегодняшнем виде, homo sapiens, который будет заменён «нечеловеком», анатропом. Похоже, что этот вариант развития событий не только вполне возможен, но и необходим для спасения техногенной цивилизации со всеми её разрушительными тенденциями. Но, может быть, и не стоит её такой ценой спасать?

^[7] А. Н. Павленко, «Экологический кризис как псевдопроблема», «Вопросы философии» № 7 (2002).

Техногенная цивилизация, технологический разум, унаследовав то и дело трансформировавшийся в истории импульс мироотрицания, оказались в этом отношении наиболее радикальными, наиболее враждебными всему живому, не говоря уже о жизни человеческого духа. Человек, живущий в неродном мире, лишается бытия, которое осуществляется лишь как максимально возможное *присутствие человека в мире*, максимальное участие во всём сущем, экзистенциальное общение с природой и людьми.

4. Виртуальная реальность как *забвение бытия*

◆ «Выход человека из мира» обходится ему слишком дорого. Прежде всего – разрушаются его естественные связи и с людьми, и с природой. Даже в лесу или у моря он, как правило, не может почувствовать «душу природы», её сокровенную жизнь, быть *вместе* с ней. Что же касается общения с людьми, то оно становится «коммуникацией», обменом информацией, такими контактами, которые не в силах разрушить стену одиночества. Даже семья часто уже не является подлинно родным миром, становится тем, что можно заменить, как заменяют разонравившуюся вещь. То есть и в ней уже не создаётся своего рода «поле тяготения», в котором и возможно бытие. На протяжении тысячелетий человек выходил то из родного племени, то из общины. Сейчас, похоже, он выходит и за пределы общества, хотя и продолжает жить в нём. Он внешне подчиняется социуму, государству, многообразным нормам и законам, – но внутренне он уже ...асоциален. И эта прогрессирующая асоциальность создаёт трудно разрешимые проблемы.

Вот застрывшая в моём сознании не раз повторявшаяся ситуация: живёт себе обыкновенный человек, за которым никаких странностей не наблюдалось, вроде бы не маргинал и не последний бедняк, и вдруг он в какой-то момент хватается в руки оружие и хладнокровно расстреливает случайных прохожих. Мания? Временное умопомешательство? Психиатры тут ничего объяснить не в силах. Для меня такого рода террорист страшнее, чем те, кто разрушил башни торгового центра. У тех есть хоть какой-то квазирациональный мотив. А этот бог знает на что способен – и это особенно страшно, если учесть хрупкость современной цивилизации. Если попытаться понять его поведение, то можно предположить, что внутри него произошла страшная духовная катастрофа, разрыв внутренних связей и с культурой, и с обществом, обвал ценностной пирамиды, девальвация всего сущего, бездна, разверзшаяся на месте фундаментальных смыслов бытия.

У духовно здорового человека в высшие моменты его жизни – возникает нечто, подобное душевному озарению, как бы вспышка «Сверхсознания», освещающая мир каким-то иным светом, придавая ему нравственный, эстетический, вообще духовный смысл. В этом свете ему видится и избираемый поступок. Это и есть его бесценный собственный

экзистенциальный опыт. Можно сказать, что он сам постигает истину — ту, которая ведёт человека не от мира, а к миру, к людям, к укоренению в системе живых человеческих связей. Но, похоже, что именно такой духовно здоровый человек встречается всё реже.

Однако, казалось бы, одно остаётся неизблемым — индивид, его внутренняя забота о себе, культивирование своего драгоценного «я». Но отчего же повсеместным становится стремление забыться? Забыть не только свои жизненные проблемы, но и самого себя, так сказать, «отключиться». Для этого годятся разные средства — и развлечения, и экстаз потребления, превращающий покупку желанной вещи в праздник, и алкоголь, и наркотики. Кажется, что человек стремится «выйти из себя» (отнюдь не в смысле бурных эмоций), как бы уже не слишком дорожа своей индивидуальностью. Ему приятно, играя роль, быть другим, не самим собой. Он становится внутренне как бы не слишком определённым, текучим, что помогает легко менять многочисленные маски-роли. Возможно, что именно такой индивид, в котором будет как бы множество разных «я», и станет наиболее успешным в недалёком будущем.

Тенденцию, которая прослеживается, можно назвать *деонтологизацией реальности*. В том смысле, что не принимается во внимание онтология реального мира (это кажется абсурдным — всё равно как не принимать во внимание закон всемирного тяготения). Всё сущее как бы утрачивает фундамент, основу, ему не на чём стоять. Всё утрачивает свою *безусловность и устойчивость*. Становится шатким, ненадёжным. Всё меньше того, на что мы могли бы положиться. Нет ничего абсолютного, всё можно подвергнуть сомнению, всё *относительно*.

При этом происходит еще одна не сразу заметная трансформация. Мир оказывается чем-то вроде грандиозных подмостков, сцены. А на сцене, как известно, играют. Игра в жизнь — вместо действительной жизни. Всё вместе и можно назвать самой главной сегодняшней опасностью, самым радикальным отрицанием мира — *виртуализацией действительности*.

До поры, до времени этот процесс был не слишком заметен. (Хотя, как мы видели, уже у гностиков есть радикальная «деонтологизация» действительного мира). Но сегодня мы вступили в эпоху постмодерна, когда шатаются и рушатся все казавшиеся неизблемыми основы культуры Нового времени. И едва ли не ключевым в эту эпоху стало слово «игра». Игра — это едва ли не самый радикальный способ выхода из мира, отрицания мира.¹⁸¹ Играющий человек — находится в сконструированном мире игры, всю условность которого он прекрасно понимает. Он не чувствует «веса» подлинной реальности — он в состоянии «экзистенциальной невесомости». Само по себе это состояние приятно, ибо связа-

¹⁸¹ Радикальней могла бы быть разве что смерть. Впрочем, Эрих Фромм почувствовал её присутствие в самом воздухе господствовавшей культуры, и говорил о некрофилии, которая стала господствующей в определённом типе характера и поведения.

но с чувством полной безответственности и абсолютной свободы. Пожалуй, можно даже сказать, что оказывается, наконец, осуществимым то, что было написано на стенах Телемского аббатства в романе Франсуа Рабле: «Делай что хочешь!» Если речь идёт о доподлинной реальности, которая превращена в игру, то последняя, конечно, в отличие от компьютерной, предъявляет какие-то ограничения. Речь, скорее, о внутреннем самочувствии игрока, о его принципиальной игровой позиции. Эта позиция и превращает мир в нечто «не вполне реальное», в фантом, в виртуальную (в широком смысле этого слова) реальность.

Виртуальная реальность – крайний полюс, противостоящий бытию. Тут отсутствие всякой подлинности. Тут человеку не открывается экзистенциальная истинность любви, красоты, добра. Дальше идти некуда. И становится еще очевидней тревога Хайдеггера, говорившего об истории *забвения бытия*. Бытие – вот, может быть, слово, самое нужное сегодняшнему дню.

Заключение

◆ Как человеку, вышедшему из мира, – вернуться в него? Не может же он, в самом деле, снова стать ребёнком. И всё же никто не может отменить, можно сказать, фундаментального закона Бытия: человек должен жить в родном мире и любить этот мир. А, значит, ему необходимо давать волю тому, что в нём задушено техногенной цивилизацией, доверять своим чувствам и глубинным душевным движениям. Снова вспоминается Достоевский с его «клеякими листочками» и прозвучавшей в разговоре Алёши и Ивана Карамазовых изумительной формулой: «*Жизнь полюбить прежде смысла её*».

Главная проблема понимания Бога с позиции (мироотрицающего) гностицизма заключается в том, что такой Бог не связан интимно с человеком, с его мыслями и чувствами, ему всё равно, любит ли его человек – он НЕ НУЖДАЕТСЯ В НАШЕЙ ЛЮБВИ. Он не дарует нам себя, и мы ему себя не даруем. Словом – нет непосредственной духовной связи с ним – да ещё эмоционально насыщенной, бытийной. С этим Богом – нет совместного бытия! Т.е. в конечном счёте, это не есть Бог бытия. Но тогда чего же он Бог? Небытия? Бесспорно, что христианство именно с этим не согласилось.

Использованные источники

- Гностики или «о лжеименном знании»*. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996.
Йонас, Г. *Гностицизм (Гностическая религия)*. Санкт-Петербург: Лань, 1998.
Лосев, А. Ф. *Эстетика Возрождения*. Москва: Мысль, 1978.
Некlessа, А. «Трансмутация истории». *Новый мир*, № 9, 2002.
Павленко, А. Н. «Экологический кризис как псевдопроблема». *Вопросы философии*, № 7, 2002.
Серёгин, А. «Предисловие к будущему». *Новый мир*, № 6, 2000.